

— Странно, что во всех этих моих рассуждениях как-то не фигурировала смерть - высшая форма неудовольствия, обязательный элемент и венец всякой жизни. Осознание неизбежности смерти может отравить все удовольствия, и как быть тогда?

— Что делать, если радости жизни не в радость, если осознаёшь скоротечность и конечность самой жизни?

— Но что такое скоротечность? Ведь скорость - понятие относительное. И что такое смерть? Зачем она?

— Все эти вопросы я как-то легко миновал, точнее, они даже не пришли мне в голову, когда я ставил вопрос б: какова цель жизни человека? Достаточно легкомысленно я постулировал, что вопрос некорректен, и поехал себе дальше. Вскоре, однако, оказалось, что цель существует: максимум удовольствия. Или то, что обеспечивает максимум удовольствия. Некое состояние блага. Но как его достичь?

— Интуитивно я чувствовал, что в части "как жить?" истина мне известна: быть честным, добрым, трудолюбивым и т.д., и т.п. Я безусловно признавал стандартный набор добродетелей абсолютной необходимостью для всякого человека, обеспечивающей ему, в конечном итоге, общую "выгоду", "пользу", то самое благосостояние, которое есть цель. (1) Но обосновать это не мог.

— (1) *В признании нравственного кодекса как раз и состоит разумность разумного эгоизма.*

— Хорошо помню наши споры с Юрой Мальцевым задолго до появления этой тетрадки.

— - Быть честным - выгодно, - утверждал я. - Рано или поздно нечестность или другой там какой-нибудь аналогичный порок будет наказан. И все жулики, убийцы и прочие "плохие" люди - несчастные люди, не понимающие, как невыгодно быть им плохими.

— Юра смеялся:

— - Что же они не переводятся, убийцы, воры, жулики, если объективно их поведение невыгодно им? Практика человеческого бытия твою теорию или, там, точку зрения никак не подтверждает. Добродетель только в сказках торжествует, а правят миром чаще всего если не самые, то достаточно порочные люди, и особых неудобств от своей порочности чаще всего не испытывают. Разве только в аду, если он существует.

— Я сопротивлялся:

— - Порочных людей всё же меньше, чем порядочных, иначе человеческое общество вообще не могло бы существовать, - и т.д.

— Наверное, сядясь за тетрадку, я хотел доказать, вывести необходимость, выгодность, полезность добродетелей, но не сумел этого сделать то ли оступив к проблеме, то ли наглухо увязнув в ней...

— А между прочим, мне часто приходилось слышать, что доброта и выгода несовместимые вещи. Нельзя, мол, делать добро из выгоды, это уже не добро будет, а именно выгода. Так ли это? Всё зависит от того, что под выгодой понимать. Если выгода есть то, что ведёт к цели, и если добро ведёт к цели, то добро есть выгода. Осталось доказать, что добро ведёт к максимуму удовольствия (твори добро и будешь счастлив), что я, наверное, и хотел сделать в тетрадке - скрестить эгоизм с альтруизмом и придти логическим образом к разумному эгоизму.

— Однако почему-то в ходе моих рассуждений заглох вопрос об иерархии потребностей (желаний) и связанных с ними удовольствий, с которого я было начал свои размышления. Как быть, например, с потребностью мыслить, размышлять? Что важнее (с точки зрения максимума удовольствия) - нажраться или понять? Сытно, вкусно накормить или объяснить? Ответ вроде бы известен: пустое брюхо к ученью глухо. Ну, а сытое?

— Так или иначе, поразвлекавшись письменным философствованием с алгебраическими выкладками в течение месяца с небольшим, я оставил в покое свою тетрадку. И вернулся к ней месяца через два при обстоятельствах, о которых сейчас расскажу, чтобы уже не

возвращаться в течение десяти лет (но и не выкинув её при этом).

— В мае в Калининград приехал в командировку на кафедру теоретической физики Андрей Гриб, теоретик из ЛГУ, которого Серёжа Лебле пригласил прочитать несколько лекций. Я был хорошо знаком с младшим братом Андрея - Серёжей Грибом, когда тот учился в аспирантуре матмеха: у нас с ним был общий научный руководитель - Б.Е., а вот Андрея совсем не знал, хотя и слышал про него.

— В качестве развлекательной программы Серёжа Лебле пригласил Андрея ко мне в Ладушкин на рыбалку. Поехали мы на Прохладную, где в это время бешено клевали мелкие окушки - только закидывай. Погода была почти летняя, устье Прохладной выглядело достаточно живописно, клевало непрерывно, и Андрей, не будучи в рыбалке специалистом, остался вполне доволен времяпрепровождением.

— Вечером у нас дома, за ужином с вином, которое мы тогда употребляли чаще, чем водку, присутствие нового интеллигентного человека вдохновило меня сначала на рассуждения, а потом и на чтение вслух пресловутой тетрадки, которую я, кажется, умудрился зачестить всю от начала до конца за один присест.

— Увы! Реакция слушателей разочаровала меня. Аплодисментов не было, хотя моё чтение и не прерывали, что хоть частично меня утешило. Не было ни существенной критики, ни даже насмешки. Быть может, я просто оглоушил моих гостей, осоловевших от воздуха и от вина? Может быть, может быть...

— Андрей, правда, поинтересовался, чем я конкретно увлекаюсь в философии, что читал, изучал и т.п. Тут я выступил почти как Славик:

— - А зачем читать, когда самому до всего додуматься можно?

— - Ну, всё же в таких вопросах дилетантство мало продуктивно, - заметил Андрей. - А вообще, конечно, всё это очень интересно, - вежливо закруглил он нашу беседу, а точнее, мою декламацию. Серёжа тоже промычал что-то вежливо невразумительное. Больше эту тетрадку я никому не читал и, казалось, потерял окончательно интерес и к ней, и к теме...

(продолжение следует)